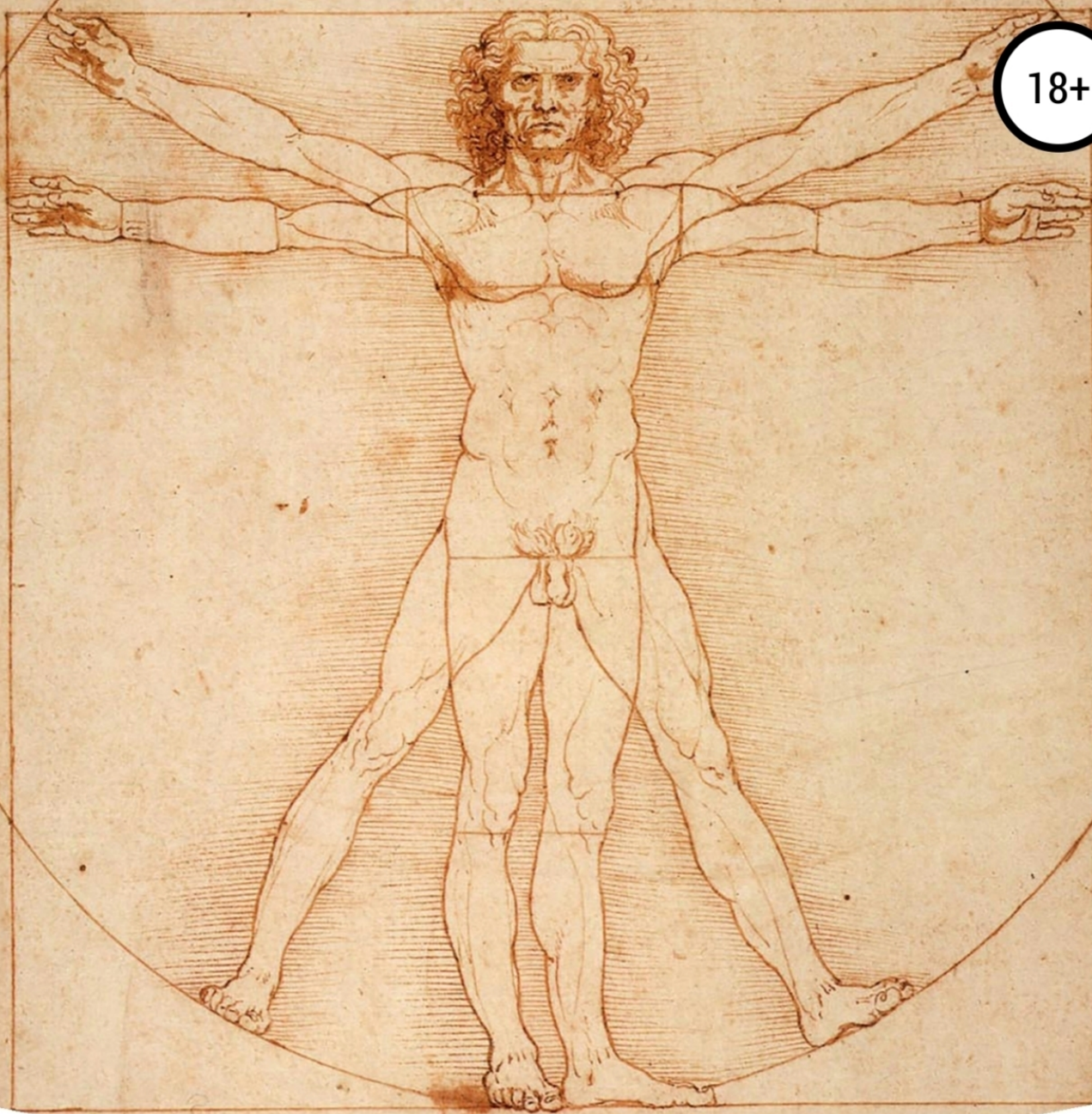

18+

Оскар Шкатов

Не каждому дано такое
ВОТ...

Оскар Шкатов

Не каждому дано такое вот...

«Автор»

2020

Шкатов О.

Не каждому дано такое вот... / О. Шкатов — «Автор», 2020

Ребята из ГИСИ обретают статус молодых специалистов, продолжая при этом так же весело и иронично относиться к новому окружающему миру и тем аспектам советского строительного производства, которым в институтах не обучают.

Оскар Шкатов

Не каждому дано такое вот...

ГЛАВА I

Дорогие друзья, не поймите меня неправильно. В этом названии нет никакой интриги, а тем более скабрёзности. Это как бы сокращённый и несколько адаптированный рефрен «Не каждому дано так щедро жить – друзьям на память города дарить». Слова этой известной и популярной во времена неподдельного и искреннего энтузиазма песни можно было бы сделать эпиграфом или аннотацией к данному литературному произведению, но пусть это будет названием книги. Вы впоследствии поймёте, почему.

Наверное, я слишком дерзко и незаслуженно применил термины «произведение» и «книга», однако назвать это творением вообще как-то нетактично, а предположим, литературным изрыганием – к себе же неуважительно. Поэтому терминологию мы опустим. Теперь о длине названия. Долго соизмеряя обилие букв и формат обложки, я наконец испытал к ней сострадание, и потому произвёл обрезание.

Это в свою очередь снизило процент вероятности преждевременного раскрытия сути произведения, как к примеру «История Аси Клячиной, которая любила, да замуж не вышла, потому что гордая была». Всё как бы ясно, дальше и писать-то не о чем. Да и ни к чему.

Хотя конечно, можно было бы воспроизвести название и целиком, взять гитару и уйти за вдохновением в лес к костру, где звучание этой прекрасной песни действительно извлекло бы приятные воспоминания из души и ностальгическую слезу из дежурного глаза, поскольку лейтмотив повести – это действительно, строительство чего-то нового и нужного людям. Но об этом чуть позже.

А в начале было вот что. Как-то прогуливаясь в женском обществе, я задумался. Это было единственной моей прерогативой, так как сцепившиеся языками дамы права голоса мне не оставили. И только придя домой, я решительно решил если не высказаться, то хотя бы выплеснуть на бумагу что-нибудь самостоятельное. Так родилась повесть «Честь имею, пору-

чик Ржевский», которую я написал буквально на одном выдохе. Потом вдохнул и понял, что это еще не всё. Хронологически окунулся ещё глубже. «Мы ребята из ГИСИ, ты нам только поднеси» стало беглым описанием главных вех студенческой жизни, но разбросанные по миру одноклассники заявили, что можно было бы развить тему и дальше. Ну, что ж, продолжим...

Для начала продолжения я имею несколько вариантов. Можно начать с начала вообще, можно с конца предыдущего окончания, можно с начала того конца, которым заканчивается начало, а можно вообще ничего не брать в голову и писать то, о чём думается и вспоминается.

Начну, пожалуй, с развала коллективизма и приобретения обособленности. Это естественное возрастное состояние человеческого организма, когда друзья несколько отодвигаются на другой план, уступая место семейственности. Нет, дружба, конечно, понятие круглосуточное, но резкие переходы от дружбы с мужчинами к любви с женщинами всегда вызывали критическое «Нас на бабу променял!» Стенька Разин после такого замечания вовремя одумался, бултых княжну в надлежашую волну и опять с мужиками. Но впоследствии и мне такое кричали вслед мои неженатые друзья, когда я, сволочь такая, обвинив женскую талию, удалялся всё дальше и безвозвратнее от студенческой пельменной.

ГЛАВА II

До сих пор слышу эти голоса. И даже помню, чьи. Олега и Леры. В предшествующих повестях я сокращал фамилии друзей до определённой степени узнаваемости, но в данном случае сокращать некуда. Шмидт – фамилия многонациональная. Олег был русский Шмидт, но сыном лейтенанта Шмидта никогда не был, да и вообще ни с каких сторон родственником ему не приходился. Он был солистом нашего ансамбля, а по совместительству моим другом. Раньше он пел в лучшем из школьных ансамблей города. Я был знаком со всем их составом. Репетиции они начинали с конкретного вопроса «Хотят ли русские вина, спросите Гогу Спирина», на что соло-гитарист Гога Спирин неизменно отвечал: «Хотят», и дальше всё шло своим отработанным чередом.

Но я уже упоминал, что творчество музыкальное иногда наносит урон учебному процессу, и тогда надо выбирать что-то одно. Как, к примеру, наша землячка Ольга Кормухина, которая училась у нас в ГИСИ, но на три года позже. Ну зачем такому обалденному голосу строительный диплом? Да и вообще, есть много инженеров, ушедших на эстраду или в шоу-бизнес, но не припомню ни одного, кто бы слез со сцены и встал за кульман.

Однако, снизим уровень музыкальности. Олег пел негромко и душевно. Тембр его голоса как бы успокаивал, да и вообще, студентом он был спокойным. Вот эти спокойствие, неторопливость ну и, к чему скрывать, пиво, которое мы как-то полюбивали, довели его до знакомства с Советской армией. Не знаю, что с ним там творили, но невысокий с пузиком Олежка вернулся через два быстро пролетевших года уже не Олежкой, а скорее Арнольдиком. Он весь оброс мышцами, хотя служил, если не соврал, в охране Ленинского мавзолея. Я, правда, считал, что главным в стоянии возле дедушки Ленина являются не мускулы, а синхронная неподвижность как, к примеру, неотъемлемым атрибутом для охранников мавзолея Мао Цзэдуна является косоглазие. Возле нашего же надо было во все глаза бдить, чтобы посетители в строгой очерёдности туда входили, а оттуда никого не выносили. При Олеге ничего не произошло и, вернувшись, он ещё некоторое время маршировал и шевелил бицепсами, но вскоре пиво вернуло его к прежним габаритам.

ГЛАВА III

Про друга Леру хотелось бы рассказать особо. Учился он в параллельной группе, был чуть постарше, имел тогда стройную подтянутую фигуру и красивый показательный бег на занятиях по физподготовке.

Я бегать красиво не умел несмотря на то, что раньше занимался лёгкой атлетикой. Бег мой походил скорее на спор головы с ногами. Голова требовала первенства, справедливо и по понятиям, а ноги настаивали на главенствующей роли хотя бы на время самой пробежки. Время от времени они друг друга обгоняли. А Лера бежал, держа голову гордо и неподвижно, как олень свои рога.

Зато я хорошо прыгал в высоту. Ещё раньше, в секции я освоил стиль «фосбери-флоп» (прыжок спиной) и, даже будучи мелким школьником, перепрыгивал своих самых продолговатых одноклассников, с этим стилем незнакомых. Но больше спортом мы заниматься не будем.

Сошлись с Лерой мы на первом курсе зимой на одной из вечеринок, после которой кто-то разъехался, а кого-то гостеприимная квартира оставила на ночлег. Проживавший там Шура, также первокурсник, но с архитектурного, Лера и я уже легли, но неожиданно решили перед сном проветриться. А поскольку хмель ещё гулял, мы не слишком заморачивались по поводу внешнего вида. Набросив что под руку попало, мы вышли на улицу. Выглядели мы весьма экстравагантно. Я имел преимущество перед друзьями, так как находился внутри спального мешка, который, хоть и стеснял движения при ходьбе, но зато грел равномерно. Лера был в банном халате и купальной шапочке, а Шура в короткой женской шубке на босу ногу. Шубка прикрывала только задницу, а уже ниже шли волосатые босые ноги. Новогодний снежок искрился в свете фонарей и весело похрустывал под ногами. Так мы обрели взаимопонимание.

ГЛАВА IV

Территориальная разбросанность в условиях большого города часто вынуждала нас оставаться в гостях друг у друга до утра. Как-то Лера вопреки традиции решил наконец поехать домой, но транспорт в его отдалённый район уже не ходил, и он вернулся ко мне.

– Кто там? – спросонья поинтересовались родители.

– Лера, – ответил я.

– Хватит девушек водить. Проводи Лену и давай спать.

Имя Лера и так имеет женское звучание, а в этом случае фонетическая ошибка вынудила Валерку уйти ловить редкое такси. Родители потом искренне извинялись.

Я пару раз тоже побывал у Леры в гостях. Он жил далеко от всего за исключением пивного ларька. Это было единственным преимуществом, потому что очередь за пивом Лера обычно занимал прямо из окна фразой «Эй, мужик, я за тобой».

Дело было зимой. Мы предусмотрительно запаслись пивом с вечера, поставили бидон с разливным за окно охлаждаться и временно о нём забыли, так как были увлечены другими напитками. Наутро пиво кристаллизировалось, а дожидаться его возврата в аморфное состояние мы были не в состоянии. Мы кололи его и отправляли в рот твердую фракцию, которая переходила в жидкую где-то между пищеводом и желудком, возвращая организм в рабочий режим.

Но меня опять занесло на первый бестолковый курс, наверное, потому что воспоминания приятные. А теперь переместимся на пятый, где мозги уже надо было перестраивать на легальные семейные отношения. Началась пора всеобщего осеменения. В смысле, осемьянения... Тьфу ты, господи... Короче, свадеб. Сложившиеся за время совместной учёбы пары (не путать с учебными парами) регистрировались, чтобы вместе идти по распределению. Случилось это и с нами. Официальным свидетелем с моей стороны на первый день свадьбы был школьный друг Лёша Сим, а неофициальным на второй – институтский друг Валера Григ, то бишь Лера. Гуляла вся наша группа. Играл наш факультетский ансамбль. А на третий день наша с Наташкой молодожёновая пара в составе небольшой группы, состоявшей из других молодожёнов, а также просто молодёжи, отправилась на экскурсию и одновременно в свадебное путешествие.

Символично то, что маршрут этот оказался как бы репетицией дальнейшего жизненного пути. Москва – Калининградская область – Литва.

ГЛАВА V

С холостой жизнью было покончено, оставалось покончить с учёбой.

Но при этом хотелось бы всё-таки воспеть дифирамб выбранной профессии, несмотря на её неблагозвучие. Факультет «Инженерно-экологических систем и сооружений», а по сути водоснабжение и канализация, имел соответственно два направления или скорее потока, один в сторону человека, другой наоборот, из него, и делился на две кафедры. Преподавательский состав кафедры водоснабжения тогда был чисто мужской и достаточно энергичный. На кафедре же канализации всё медленно текло и не менялось в соответствии с названием. Там был свой мир, главенствовали в котором три заслуженные, но уже преклонного возраста «матери русской канализации». Все имели ученые степени. Все служили благороднейшей цели.

Я также чувствовал одухотворённость, создавая курсовые проекты. Дадут тебе рельефную карту какого-нибудь города с промышленными предприятиями, на речном берегу, а ты должен построить насосные станции, очистные сооружения, водонапорные башни, проложить трубопроводные системы и экономично рассчитать, чтобы в любое время дня и ночи всяк мог бы воспользоваться необходимым водным ресурсом. Но, что самое обидное, расчёт этот не сводился ни к какому алгоритму. Термин «гонять кольца» означал распределять водные расходы потребителям по напорным кольцевым системам водопровода, и делалось это методом тыка, прикида или интуиции. Можно было за два-три раза добиться необходимого баланса, но иногда счёт шёл и на десятки проб и ошибок.

Я намеренно замудрил тему, чтобы дать понять, насколько сложно то, что всем нам нужно.

Но больше мне нравилось производить гидравлический расчёт самотечных систем. Манипулируя такими параметрами, как материал трубопровода, его сечение, уклон, наполнение, шероховатость, скорость течения в ламинарном либо турбулентном режиме, не забывая при этом о коэффициенте Дарси, уравнении Бернулли и числе Рейнольдса, а также учитывая особенности рельефа местности, я просчитывал оптимальные варианты и радостно выкладывал на ватман схемы новых сетей.

– Что может быть проще трубы, – подкалывали друзья – строители, – только труба.

Хрен вот вам. Это не какое-нибудь проектирование дома по готовым стандартам.

Труба – дело тонкое. Хотя штука толстая. А если не на ватмане, а в натуре, то ещё и вонючая. На преддипломной практике я побывал на городских очистных сооружениях. Не каждому дано повидать такое вот г... грандиозное оно. Население города более миллиона. Диаметр сточного коллектора составлял метра три, и вблизи выглядел устрашающе. Эх! Если бы в людях было столько добра, сколько дерьма...

ГЛАВА VI

Однако на горизонте уже маячило распределение. На институтском стенде висел длинный список, где выпускники были выстроены по ранжиру в соответствии с заработанными учебными баллами. Против каждой фамилии было указано, куда кого послали. Но нас с молодой женой это уже не касалось. Просто помимо официальных запросов существовали ещё и «охотники за головами» – кадровики с предприятий, нуждающихся в молодых специалистах, которые в эту пору ездили по ВУЗам и вербовали нас, неопытных. Я клюнул на предложение начальника отдела кадров московского треста «Гидромонтаж», который в перерыве между лекциями в нашем институте внедрился в студенческий перекур. Завязалась полемика. Кто-то рассосался и пошёл на лекцию, а я прогулял, чтобы продолжить разговор более предметно.

Начать трудовую деятельность предполагалось на берегу Каспия в городе Шевченко. Пока молодые, там можно было подзаработать, а потом уж выбирать место поближе и поспокойнее. Однако судьба распорядилась иначе, о чём я совершенно не жалею. Для пояснения немного отвлекусь.

Век назад эмансипация женщин уравнила всех в правах, а в наше время даже слегка зашкалила, предоставив нашим девушкам дополнительный выходной по четвергам. Это был день военной кафедры. В течении трёх с половиной лет каждый четверг наши юноши становились стройными и подтянутыми, точнее вытянутыми. Нет, воинская дисциплина и служебное рвение тут вообще не при чём. Просто, если на затылке между причёской и воротником не умещались два пальца по горизонтали, тебя отправляли в парикмахерскую на обрезание. Поэтому мы, хрустя позвонками, дугообразно вытягивали шеи, а сзади прохаживался военный, критически взирая на студенческие затылки, и комментировал: «Это шо за Курская дуга?»

Армейский юмор, как правило, юмора не содержит. Неповторим лишь его специфический колорит, особенно при восприятии чего-нибудь неуставного. Поэтому, провоцируя ситуацию, я посещал «дубовую рощу» (военную кафедру) с бабушкиным ридикулем в руке. Был он вышит цветным бисером и, наверное, имел историческую ценность, как артефакт конца XVIII века. В нём умещалось только самое необходимое для занятий – общая тетрадь и пачка сигарет. При взгляде на него глаза полковников наливались ксенофобией, но в Уставе не было параграфа, запрещающего ношение ридикулей. Так что нам, гражданским, предъявить было нечего.

Но после защиты диплома молодых людей, в отличии от эмансипированных дам, направили в летние лагеря на изготовление из нашего мяса офицеров запаса, и вот тогда уже пришлось вкусить перловки и понюхать портянки. Ну и пороху немного. Из скромности я не буду описывать, как приходилось бегать по огневой полосе из горящего напалма или бросать деревянные гранатки вслед проехавшему над тобой танку.

ГЛАВА VII

А теперь поясню причину этого военного вмешательства в мой рассказ.

У девушек при наборе в проститутки, как правило, собирают паспорта, чтобы не передумали. В нашем случае всё было аналогично. Дипломы нам не выдавали до тех пор, пока не отдадим последний долг Родине.

А жена моя молодая, уже имея диплом на руках, направилась в Подмоскovie, где и располагался трест «Гидромонтаж». Альтернативный вариант распределения, который ей там предложили, был неожиданно интересным, и она приехала ко мне в лагеря на семейный совет. В процессе нашего целования и общения я горделиво посматривал на окна казармы, об которые завистливо плющились солдатские носы. Полные вожеления взгляды были прикованы к нашей мини-юбочке.

Хрен вам. Моё!

А в это время где-то в далекой Литве, на границе с Белоруссией и немного с Латвией возводился первый энергоблок Игналинской атомной электростанции и город-спутник Снечкус. Вот туда-то нас и сосватали. Советская Прибалтика была доступной границей, и отказываться от подобного предложения было бы верхом глупости. Так что Наташка отправилась навстречу новой жизни, а я остался дослуживать.

На этот раз я уже не стану описывать армейские будни. Скажу лишь, что в последний день службы, когда вручали дипломы, весь кадровый офицерский состав воинской части, во избежание чреватостей, дематериализовался. Затарившись недоступным в течении трёх месяцев продуктом, свежеиспечённые лейтенанты заполнили два вагона электрички и весело зазвенели стеклопосудой. Грянула удалая песня пацифистов:

Я зарю свой меч и щит там, где ручей журчит,

*Там, где ручей журчит, там, где ручей журчит.
Я зарою свой меч и щит там, где ручей журчит,
Не хочу большие воевать.*

*Нет, не хочу я воевать,
Нет, не пойду я воевать
И я не буду воевать.
Я не желаю воевать,
Мне надоело воевать,
Не надо мне войны опять.*

Песня была очень удобная, так как меняя только первую строку, её можно было исполнять бесконечно:

*Я зарою сапоги у быстрой у реки...
Я зарою свои портянки там, на лесной полянке...
Я зарою свои погоны там, где стоят вагоны...
Я зарою свой ремень там, где цветёт сирень...*

и так далее, сочиняли мы на ходу.

За пару часов под стук колёс и звон стаканов мы зарыли всё обмундирование, оружие и военную технику. Уже на вокзале, обнимаясь и роняя скупые офицерские слезы, мы понимали, что со многими расстаёмся навсегда.

ГЛАВА VIII

Прощание же с нашим курсом в целом состоялось ранее, преддипломной зимой. Ресторан, расположенный вблизи откоса с видом на стрелку – слияние Оки с Волгой, был оплачен заранее. Но разгулявшиеся студенты требовали продолжения банкета, что влекло за собой дополнительные капиталовложения. Однако ответственные за финансы Лера и Лена, последними покинувшие ресторан, не заморачивались калькуляцией затрат. Они понимающе переглянулись, дружно разместили задницы на откосе и умчались вниз в звенящую снежную даль. А волжский откос там метров восемьдесят с перерывами на пешеходные дорожки. Шум в ушах заглушал гневные вопли ресторанной администрации.

А перед отъездом, уже после лагерей, надо было попрощаться и со старыми школьными друзьями. Лёша Сим и я встретились в парке, уселись на скамейку и откупили бутылочку винца. Стоял тёплый душевный вечер, и сидеть в кабаке не хотелось, хоть и находился он в двух шагах. Лёша оставался в аспирантуре, я уезжал неизвестно куда.

Нашу мирную беседу прервал выпрыгнувший откуда-то из-за скамейки молоденький милиционер и предложил: «Пройдёмте». Куда пройти, я отлично знал. Милицейский пункт соседствовал с рестораном «Дружба», где мы часто тусовались. Я зашёл первым, поприветствовал дежурного офицера и пояснил, что мы почти коллеги, обмываем с другом звёздочки и вообще видимся в последний раз. Было так приятно, когда дежурный выразил понимание и велел постовому проводить нас и отдать початую бутылку с просьбой допить её, но уже не в общественном месте, что и было исполнено.

Да, кстати, если вас напрягают мои постоянные упоминания о спиртном, вспомните «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева. Это же гимн пьянству. И в то же время классика жанра. Ну да ладно. Венедикт ехал из Москвы в Петушки, а я наоборот, в Москву и ещё дальше, в Вильнюс.

ГЛАВА IX

В столицу Литвы я прибыл субботним утром и сразу же, следуя инструкциям жены, пересел на поезд Вильнюс – Даугавпилс, по пути следования которого и находился пункт назначения. Вагоны и даже тамбуры были уже заполнены на 99,9%. Я с трудом впихнул туда оставшуюся одну десятую, состоящую из чемодана, гитары и меня. Спрессованность в очередях была для советского человека состоянием привычным, а в данном случае даже приятным, так как оказавшись в положении балтийских шпрот, мы с одной девушкой сблизились настолько, что практически пришли в соитие. Лиц друг друга мы не видели, поскольку они соприкасались ушами и смотрели в противоположные стороны, но зато остальные рельефности ощущались очень чётко. Вагон ритмично покачивало, и нас приятно почёсывало друг о друга. После подобных процедур порядочный человек обязан жениться, но одна жена у меня уже была. К ней я и ехал.

На нужной станции, держа гитару над головой, я со звуком вылетающей пробки выдернул зажатый телами чемодан. Выплеснуло и остальных пассажиров. Это были в основном молодые люди. Узнать среди них свою партнёршу я, понятно, не мог, так как знакомы мы были только на ощупь. Но это было уже не важно.

Поезд пошел дальше в сторону Латвии, а на месте остались рельсы, лес и одинокая кирпичная станция с табличкой Пасмальвес. Это пока не вязалось с названием Снечкус, но у меня были инструкции жены. Протопанная перпендикулярно железной дороге тропа сквозь живописный сосновый лес вскоре вывела нас на открытое пространство. Это и был строящийся поселок Снечкус.

Мой школьный друг Славка долго не мог запомнить фамилию литовского партийного лидера Антанаса Снечкуса и обзывал наше поселение то Случкус, то вообще Сношачкус. Ну, у каждого свои ассоциации. Сам он плавал по Енисею, осваивая на практике свою институтскую специальность ЭОС (электрооборудование судов), которую я расшифровывал как электрооборудование сортиров (ведь у каждого свои ассоциации). Я поэтому и использовал глагол «плавал», а не «ходил». Потом он временно оказался где-то в Астраханской области, а после отработки там срока молодого специалиста вернулся на историческую родину. Я же остался в Литве навсегда.

ГЛАВА X

Когда мы приехали, шёл уже четвёртый год строительства ИАЭС и посёлка городского типа Снечкус. Домов, главным образом пятиэтажных, было ещё не так много, и отыскать женскую общагу оказалось несложно. Начало октября радовало тёплым солнышком. Ещё больше радовала встреча с Наташкой и перспективы новой жизни.

Я написал коменданту женского корпуса заявление с требованием переспать две ночи с собственной женой, после чего надеялся уже легализовать свой статус, и мы отправились на берег озера. Своё красивое название Висагинас оно впоследствии дало и городу, но в Славкиной транскрипции это опять звучало как Вагинас. Хорошо ещё, что он не знал о существовании таких географических пунктов, как Бездонис, Лобиняй или Герконис. Это ж такая пища для фантазии.

Первое, что меня удивило, это почти безлюдный берег. Это в субботу, да в хорошую погоду. А где же то, что было в поезде?

Второе – это вкусное литовское пиво, которое не шло в сравнение ни с нашим стандартным жигулёвским, ни даже с дефицитами из стран Европы, которые мне приходилось пробовать. Наше положение в тот момент почему-то вытасило из памяти сказку про Кощея Бессменного, конец которого был в яйце. Там ещё была утка в зайце и т. д. Поясню: вот Литва, в Литве лес, в лесу город, в городе озеро, на озере я, во мне пиво. Такая вот матрёшка.

По возвращении в общагу Наташка стала знакомить меня с сожительницами. Все девчонки были, как и мы молодые, но в отличии от нас, незамужние. К вечеру они ожидали кто женихов, кто просто парней из мужской общаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.